

Илья Фоняков – поэт оригинальный. Он выделяется среди известных сибирских авторов не только смысловой наполненностью стихотворений, но и особым вниманием к форме. У него встречаем и четверостишия без рифм (наподобие японских стихотворений), и верлибр, и стансы, и графические приёмы (например, при описании падения снега, слово «летит» он пишет вертикально). Своё творчество Фоняков связывает прежде всего с ленинградской школой:

*У Байкала, Тобола,
На Алтае, в степной Барабе –
Ленинградская школа,
Присягаю на верность тебе!*

Если поставить себе задачу выразить суть творчества Ильи Олеговича в двух словах, то это будут слова «сочувствие» (или «отзывчивость») и «единение» (или «связь»). Поэт очень внимателен к людям, не только к великим, но и к простым труженикам. Умение отвлечься от себя, войти в жизнь другого человека порой даже становится у него своеобразным средством от печали, как в стихотворении «Простор».

Душа – высочайшая ценность, её не стоит показывать всем. Так считает поэт, но, тем не менее, сам он очень глубоко проникает, к примеру, в психологию людей прошлого, понимает их чувства и стремления. Тоже – по отношению к сверстникам, современникам. Горе одного рождает сочувствие и отклик в душах других, укрепляя единство между людьми. Дух места, связь с прошлым часто открываются у Фонякова через

соприкосновение с вещами, через бытовые детали (например, в стихотворении «Дом», в цикле «Воспоминание о Севере»).

Илья Фоняков также высоко ценит искренность. «Умейте так писать, чтоб в каждом слове и в каждом обороте были вы!» – говорит он. Не чужда ему и ирония. Так он пишет от лица окружённой в то время романтическим ореолом геологии: «Отвечаю на вопрос, где скрыты нефть, уран, железо, фосфориты. На вопрос о смысле бытия отвечаю, мальчики, не я».

В своей поэзии Илья Фоняков говорит о единстве и похожести людей, живущих в разных концах нашей страны и в разные времена. В прошлом: «Не странно ли? Чем долее живу, тем прошлое ко мне всё ближе, ближе...» – и в будущем, ежеминутное наступление которого поэт остро ощущает. Он чувствует изменение духа времени и при этом находит в нём вечные, постоянные черты (стихотворения «Эрмитажное», «Муций Сцевола»). Ведь и человек остаётся самим собой, несмотря на изменения: в детстве есть крупица старости, а в старости – крупица детства. И даже в чёрством человеке, нет-нет, да и засветится огонёк сострадания.

Фоняков остро ощущает присутствие вечности в сиюминутном (например, в стихотворении «Казбек»). Он внимателен не только к людям, по лицам которых пытается прочесть «то, что пока сказать не смогло», но и к деревьям, животным. В стихотворениях о природе у него неизменно присутствуют приметы человеческой деятельности. Будучи сам творческим человеком, Илья Олегович пишет и о других «жрецах прекрасного» (стихотворения «Вертинский», «Не люблю артистической читки...», «Передвижники», о Льве Толстом и особенно о Пушкине). Попадают в его поле зрения и просто оригинальные личности («Бабушка моего приятеля»).

В стихотворных «портретах» Фонякова частенько проглядывают несвойственные представлениям о портретируемом черты (например, тургеневская девушка оказывается физиком). «Но жизнь, быть может, вдвойне прекрасна тем, что присутствует в ней незримо, как растворённый кристаллик соли, возможность других, непохожих, жизней», – пишет поэт. И эти крайности у Фонякова постоянно сходятся, вытекают друг из друга. Так неистовство возникает «из стремления к равновесью и покою», в военных буднях бросаются в глаза мирные бытовые детали, а в чужой стране – особенности, напоминающие о Родине. *«Буду помнить, Куба, Куба, долгой памятью любви эти пушкинские губы – негритянские твои»*, – пишет поэт.

И он, человек, жизнь которого наполнена творчеством, воспринимает поэзию как чудо и в то же время как плод упорного труда. Этот процесс описан в стихотворении «Я помню старый разговор...» Для поэта, душа которого постоянно наполнена образами, страшнее всего пустота. И даже уходя из жизни, он хочет, чтобы после него остались стихи не просто красивые, но и полезные, нужные, дарящие тепло и свет, что символически выражено в стихотворении «О зимовьях в Сибири написано тысячу раз...»

*О зимовьях в Сибири написано тысячу раз,
Но представил я вновь, как таёжник по доброй привычке
Для идущего следом дровец пополняет запас,
Соль в тряпиче кладёт, сухари оставляет и спички.*

*Пусть к тому, кто придёт, будет ветхая кровля добра,
Пусть его не пугают ни голод, ни холод, ни волки...
О, сказать бы по праву и мне, когда будет пора:
«Люди, я ухожу. Будьте счастливы. Спички – на полке».*